Мария Графова

Аборт в Советской России в эпоху НЭПа: официальная пропаганда vs массовые установки

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2020-38-4-229-264

Maria Grafova

The Abortion in Soviet Russia During NEP: Official Propaganda versus Popular Attitudes

Maria Grafova — Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia). mgrafova@yandex.ru

This paper studies the attitudes of the Soviet authorities and society towards the problem of abortion during the New Economic Policy (NEP). In the 1920s, communist ideologists and population still under influence of traditional values based on religious ethics (though often indifferent towards religion and Church) expressed extremely different views on the issue. Even religiously indifferent people used to take part in religious ceremonies such as weddings and christenings. The traditions of the Orthodox Church provided them with moral support in the era of global changes. The ideological message of the Soviet authorities was also controversial. Officially sexual liberty was allowed, as was the freedom of marriage and divorce. Women were encouraged to work, to be involved in social activities, to be educated. However, there was little social and medical help for mothers. Traditional marriage was being destroyed, and an increasing number of abortions, both legal and illegal, was a result. Those who were in charge of the sanitary propaganda were worried and encouraged people to have children for Soviet Russia instead of abortions despite all difficulties. In fact, ordinary people knew that many children meant poverty and poor health for the whole family. There was almost no available contraception, and abortion was virtually only method of birth control. In spite of the efforts of Soviet propaganda, abortion was perceived as a nasty but almost unavoidable part of everyday life. The author concludes that no consensus on the problem of abortion in the Soviet society of the 1920s

emerged, and to some extent it could not have emerged under such circumstances.

Keywords: New Economic Policy, Soviet ideology, family, social consensus, marriage in Church, traditional values, abortion.

Введение: аборт как социальная норма в эпоху НЭПа?

В своих работах «О разделении общественного труда»[1] и «Самоубийство» Эмиль Дюркгейм вводит концепт «аномии», в связи с которым описывает ситуацию общественной дезорганизации, влияющей на связь между человеком и обществом и характеризующейся расшатыванием или утратой системы ценностей, нравственных, гражданских или религиозных[2]. Это состояние расшатывания нормативной системы общества и несовпадения традиционной нормы и новых социальных отношений[3] выразительно описывает двадцатые годы в Советской России. Идея проанализировать этот момент расщепленности общественного сознания и может считаться своего рода отправной точкой для данной статьи. Методологически она относится к тем исследованиям повседневности, которые ставят своей задачей определить границы между нормой и аномалией[4]. Тема социокультурной нормы, ее слома или эволюции представляется нам особенно актуальной для переломной и конфликтной эпохи, каковым, безусловно, было время НЭПа.

Принадлежностью к исследованиям повседневности продиктован выбор источников: партийная и санитарно-просветительная литература, партийная и развлекательная пресса эпохи НЭПа. При таком взгляде на материал работа историка состоит прежде всего в том, чтобы увидеть не прямое идеологическое или просветительное послание авторов, а скорее то, что для них являлось само собой разумеющимся, выявить их картину мира, систему ценностей, представление о норме и аномалии. В ходе изучения этих источников наше внимание привлекли, во-первых, темы,

1. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
2. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд. С.-П.: Союз, 1998. С. 294–295.
3. Обзор историографии по вопросам нормы и аномалии см. у *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. Санкт-Петербург: Летний сад, 1999. С. 12–14.
4. Обзор см. там же, с. 12.

связанные с представлениями эпохи об этике в отношении вопросов репродукции и семьи, во-вторых, неожиданная роль религиозной традиции в подвергающейся активной секуляризации повседневности 20-х годов. Анализу пересечения темы медицинского дискурса и религиозных практик в повседневной жизни эпохи НЭПа и посвящена эта статья.

Есть эпохи, остро интересные для исследователя своими контрастами между новой идеологией и консервативной повседневностью. Один из таких периодов — это период НЭПа, причем репродуктивная сфера была одной из самых конфликтных и актуальных тем как для пропаганды, так и для повседневной жизни. Половая жизнь, беременность и выбор в пользу аборта или рождения ребенка, тем более в условиях смены политического строя, только что закончившейся Гражданской войны, экономического коллапса и его преодоления, вызывали острый интерес и много дискуссий[5]. Автор «Женского журнала» в 1926 году жалуется на проблему у гастролирующих по стране лекторов, специализирующихся на «общественных» темах: все категории слушателей, от служащих до рабочих, хотят слушать только про «половой вопрос», «брак и семью», «любовь и алименты». Если оказывается, что лекция планируется, например, о современной литературе, то зал оказывается внезапно занят...[6]

Большую роль играл процесс «ломки» традиционной семьи, в частности, лишение церковного брака законной силы, замена его на гражданский и т. д. При том что значительная часть населения, несмотря на усилия советской агитации, была или просто искренне религиозной, или по крайней мере следовала церковным традициям и совершала привычные религиозные обряды ради ощущения стабильности и «нормальности», неизбежен и значителен вопрос о влиянии Церкви и ее учения на принятие важнейших решений в жизни — о заключении брака, рождении и воспитании ребенка. Особенно важным представляется здесь задача, обозначенная уважаемым исследователем Русской Православной Церкви Г. Л. Фризом; она состоит в том, «чтобы перейти от “истории церкви” к “истории религии” — т. е. изучать не столько Церковь и духовенство, а религиозные практики и роль ве-

5. Общий обзор проблемы аборта и контрацепции в эпоху НЭПа см. у Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*, pp. 254–296. New-York: Cambridge University Press.

6. Проблема пола // Женский Журнал. 1926. № 2. С. 4.

рующих»[7]. Это имеет значение в нашем случае, в частности потому, что в советское время в условиях целенаправленной атаки на Церковь как институт (в том числе и на ее служителей) особая роль в сохранении традиции принадлежала рядовым прихожанам, мирянам-активистам.

Аборты в российской действительности: немного истории и права

Ситуация с абортами в России на рубеже XIX–XX вв. имела свою специфику: с одной стороны, быстрые процессы социально-урбанистической трансформации в городах, с другой — преобладающее огромное сельское население с очень архаическим отношением к семье и репродукции[8]. В городских условиях искусственное прерывание беременности становилось все более привычной частью повседневности, в сельской местности — применялось редко и противоречило традиционной системе ценностей. Тем более резким представлялся рывок, который предстояло сделать рано или поздно; идея декриминализации и легализации аборта, реализованная в 1920 году, резко контрастировала с традициями и привычками большей части населения.

Данные о позиции Церкви на предмет абортов в предреволюционную эпоху скудны. Исследовательское мнение гласит, что о позиции РПЦ по поводу абортов в дореволюционный период судить сложно, скорее она была более толерантной, нежели у католиков[9]. Согласно «Уставу о церковных наказаниях» (т. е. подлежащих церковному суду) 1918 года, за «изгнание плода» мирянин подлежит отлучению от Св. Причастия на срок до пятнадцати лет (за умышленное убийство — до двадцати), а клирики — исключению из клира с лишением священнослужителей и монашествующих сана и монашества[10], но нам неизвестно, насколько эта норма могла быть применена в реальности. Проблема абортов (как недопустимой практики) обсуждалась во время Поместного Собо-

7. *Фриз Г.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь. 2012. № 3–4. С. 87.
8. Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. С. 197–199.
9. Avdeev, A. Blum, A., Troitskaya, I. (1995) "The History of Abortion Statistics in Russia and the USSR from 1900 to 1991", *Population: An English Selection* 7: 40.
10. *Белякова Е.* Церковный суд. М.: НПКЦ «Духовная библиотека», 2004. С. 446. (Преступления против жизни и телесной неприкосновенности, ст. 71.)

ра 1917–1918 годов[11], но в его Решениях упоминания ее нет. Интересно, что среди докладов на Соборе были те, авторы которых сочувственно относились к женскому движению и вопросу о правах женщин вообще. Они задавались вопросом о том, почему женщины отстранены от права на некоторые виды образования и возможности занимать многие должности, если в актуальной ситуации они вынуждены работать, обеспечивать себя, раз уж многие мужчины уклоняются от брака?[12] Но аборт, конечно, никогда не мог быть санкционирован Церковью.

Число приговоров в уголовном суде за совершенный аборт в предреволюционные годы было исчезающе малым (несколько десятков в год) на фоне реального их количества (в городах в начале XX в. процент искусственного прерывания беременности мог составлять уже более 20 процентов от общего числа беременностей[13]). Особенно распространенным было это явление в рабочей среде[14].

Примечательно, что сторонниками легализации аборта как «меньшего» (по сравнению с ущербом от нелегального прерывания беременности) зла были многие представители врачебного сообщества[15]. Уже на рубеже веков закрывать глаза на постоянный рост их числа было нельзя, и часть врачей признавала: у массового прерывания беременности есть вполне определенные социальные причины, запрещать и наказывать бесполезно, надо постараться как-то смягчить последствия. В этом смысле легали-

11. Там же. С. 331–333.

12. Там же. С. 329–332.

13. Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000. С. 44.

14. *Белякова Е.* Церковный суд. С. 157.

15. См. отчет о 2-м заседании Отдела акушерства и женских болезней 12-го Пироговского съезда 1 июня 1913 года (*Стояновская Э.Л.* 12-й Пироговский Съезд. Отдел акушерства и женских болезней. 2-е заседание 1-го июня // Русский врач. 1913, № 28. С. 1010–1012). Ознакомление как с кратким изложением докладов, так и с мнениями участников дискуссии, от самых консервативных (преступность самой идеи аборта) до самых прогрессивных (право женщины на распоряжение своим телом, неизбежность и необходимость «неомальтузианства», то есть контрацепции) оставляет ощущение чрезвычайно запутанной проблемы, имеющей мало надежд на устраивающее всех разрешение. Вывод из принятой резолюции: необходима декриминализация аборта как для совершающей его женщины, так и для врача, если он производит данную операцию не для совершения выгоды и по просьбе и настоянию женщины (С. 1012). Эти решения будут легализованы через несколько лет уже в СССР, а вот мысль о праве женщины на распоряжение собственной судьбой и телом останется чуждой общественному мнению в России и много десятилетий спустя.

зация в 1920 году абортов была логическим завершением этой еще дореволюционной дискуссии[16].

Позиция большевиков по этому вопросу никогда не была вполне последовательной, это хорошо видно еще по написанной в 1913 году статье В.И. Ленина «Рабочий класс и мальтузианство»: с одной стороны, осуждается как буржуазная, реакционная и трусливая сама идея ограничения рождаемости, с другой стороны — утверждается, что запрет на аборты подлежит обязательной отмене. Детей, несмотря на все страдания и трудности, по мнению Ленина, рожать необходимо (пролетариату, конечно) из классовых соображений, потому что им, детям, предстоит достроить здание, фундамент которого заложен нынешними бойцами[17].

После 1917 года Советская власть начала расшатывать устои традиционной семьи, институционально и идеологически[18]. В 1920 году были легализованы аборты[19]: их разрешалось производить бесплатно и исключительно в условиях больницы руками врачей[20]. За производство аборта кем бы то ни было, кроме врача, и с целью получения выгоды полагалась судебная ответственность[21]. Стоит отметить, что сам законодательный акт называется «Об охране здоровья женщин»: аборты санкционируются ради того, чтобы избежать последствий абортов нелегальных; они есть «зло», связанное с «моральными пережитками прошлого» и «тяжелыми экономическими условиями». Легализация связана исключительно с тем, что бороться с «выкидышами» путем запрета бессмысленно. Но и эта формулировка по тем временам

16. Avdeev, A. Blum, A., Troitskaya, I. “The History of Abortion Statistics”. P. 41.

17. *Ленин В.* Рабочий класс и неомальтузианство. Полное собрание сочинений. Том 23. С. 255–257.

18. Обзор идеологии эпохи по «половому вопросу» см. у *Пушкарев А., Пушкарева Н.* Ранняя советская идеология 1918–1928 и «половой вопрос» (о попытках урегулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант» ЦСПГИ, 2007. С. 199–227.

19. Собрание узаконений и распоряжений правительства РСФСР, за 1920. М. 1943 № 90, ст. 471. 18.11.1920. С. 681.

20. Обзор историографии по абортам в СССР в межвоенный период см. у *Мирошниченко И. Стяжкина Е.* Абортная политика в СССР в 20–30-е годы: историография вопроса // Вісник Маріупольского державного университету. Серія: Історія. Політологія, 2012, ВИП. 3. С. 43–50.

21. Правовую базу по абортам в СССР в 20-е гг. и подробный комментарий см. *Маннс Г.* Аборт как социальное явление и проблема его наказуемости. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1927. С. 61–69.

была вызывающе прогрессивной[22]. Вполне революционной была и мысль о том, что «советское законодательство по вопросу об искусственном выкидыше исходит из идеи ненаказуемости аборта как такового»[23].

Однако социальными и демографическими последствиями революции, гражданской войны и собственной политики (облегчение развода и легализация абортов) — то есть массовой безотцовщиной и ростом числа «выкидышей» — Советская власть была недовольна. Разрешение абортов позиционировалось как вынужденная временная мера и «меньшее зло» по сравнению с травмами и смертями от нелегальных операций по прерыванию беременности[24]; сам аборт как таковой был легализован, но «разрешить» ни в коей мере не значит «одобрить». Важно отметить, что совершение криминального аборта с точки зрения уголовного права квалифицируется не как «убийство», а как «телесные повреждения и насилие над личностью». С точки зрения правоведов, сама по себе квалификация аборта как «убийства» в большинстве современных законодательств имела своим источником право каноническое, что для советской юриспруденции и медицины было неприемлемо. Аборт наказуем только в том случае, если совершается «в ненадлежащих условиях» лицами «без медицинской подготовки»; или же без согласия беременной[25].

В 1924 году впервые был официально поставлен вопрос о внедрении противозачаточных средств, которые, впрочем, в СССР до самого конца воспринимались как «мера паллиативного ха-

22. *Пивоваров Н., Шок Н.* К истории запрета абортов в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935–1936 гг.) // История медицины. 2019. Т. 6. № 2. С. 161.

23. *Маннс Г.* Аборт как социальное явление и проблема его наказуемости. С. 61–62. Можно найти информацию о том, что принятые к тому времени УК не предусматривали наказания женщине, сделавшей аборт (Статья 146 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года и 140 статья в редакции 1926 года).

24. Там же, с. 65–66. Аборт следует совершать в «надлежащих условиях», каковые подробно разъясняются циркуляром НКЮ и НКЗ РСФСР от 3 ноября 1924 года за номером 221: только лицом, имеющим на это право, и «обязательно в больничной обстановке советских больниц, не исключая частных лечебниц, зарегистрированных местными Губздравами». Ограничений на совершение аборта в срок более, чем три месяца беременности, в советском праве того времени не было. С. 67-68: Преступлением является совершение аборта в ненадлежащих условиях, даже если это было с согласия женщины (такая мера предпринимается для того, чтобы защитить женщину в тяжелых условиях). Предоставление женщине средства для совершения аборта, вне зависимости от результата, есть тоже содействие нанесению ущерба ее здоровью (там же, с. 67–68).

25. Там же. С. 65–66.

рактера»[26]: пропаганда контрацепции в принципе была признана недопустимой, а предоставление женщине сведений о методах предотвращения беременности могло производиться врачом *только* если она сама об этом попросит[27]. Резолюция III Всесоюзного Съезда по охране материнства и младенчества (1–8 декабря 1925 г.) признает, что наиболее существенным средством борьбы с абортами могло бы стать ознакомление женщин с противозачаточными средствами через медицинские учреждения[28], однако эта инициатива и некоторые весьма успешные опыты по ее реализации не получили должного развития, а после «Большого перелома» соответствующие программы были редуцированы или свернуты.

В 1924 году в государственных больницах стало не хватать коек[29], и порядок допущения к бесплатному аборту в 1924–1925 годах был ограничен рядом циркуляров[30].

Во-первых, образовывались комиссии, состоящие из врачей и представителей женотдела, которые и распределяли койки для производства аборта в советских больницах. Приоритет предоставлялся застрахованным в следующем порядке: 1. Безработные-одиночки, получающие пособие на бирже труда. 2. Одинокие работницы, уже имеющие ребенка. 3. Многодетные, занятые на производстве. 4. Многодетные жены рабочих. 5. Прочие категории застрахованных, а далее незастрахованные в том же порядке. Вводилась обязательная карточная регистрация всех, обращавшихся в Комиссию за разрешением об аборте[31]. Женщине

26. Там же. С. 70.

27. Контрацепция в СССР в межвоенный период — обширная и малоразработанная исследовательски тема. Ограничимся упоминанием мнений таких авторитетов, как проф. Окинчиц и проф. Леви (напр., у Л. Окинчица см. протокол объединенного заседания Акушерского-Гинекологического Общества и Научного Общества Охраны Материнства и Младенчества в феврале 1924 г., на котором были приняты важнейшие установочные решения по вопросу о контрацепции («Выкидыш и предохранительные средства от беременности» Л.: Медицина, 1924. С. 20–21)); см. также *Леви М.* Противозачаточные средства. М.: Мосздравотдел, 1927, на с. 36 о том, что информация о противозачаточных средствах должна предоставляться только по просьбе женщины.

28. *Генс А.* Аборт в РСФСР. М.: Издательство «Охрана материнства и младенчества», 1925. С. 25.

29. Модернизация демографии. С. 200.

30. Циркуляры от 9.01.1924 за № 13, от 19.04.1924 за № 1639, от 3.11.1924 за № 221, от 17.03.1925 (*Маннс Г.* Аборт как социальное явление. С. 72).

31. С 1925 года ЦСУ СССР стало разрабатывать данные из анкет, которые заполняли женщины при обращении в соответствующую комиссию, и в 1927 году были вы-

необходимо было представить ряд документов (о беременности, о семейном положении, о зарплате) и после тщательной проверки ее ситуации выслушать разъяснения относительно вреда аборта для ее здоровья, опасности для жизни, а также «для благополучия всей Республики»[32]. Подотделам Охматмлада («Охрана материнства и младенчества», важное направление деятельности Наркомздрава РСФСР в 20-е годы)[33] предписывалось заниматься организацией докладов, лекций, показательных судов над повитухами и акушерками и инсценировок, призванных продемонстрировать вред аборта вообще, а подпольного — в особенности. Делегатки женотдела должны были участвовать в проверках: не сделали ли все-таки аборт получившие в комиссиях отказы?

В общем, речь может идти о чем угодно, кроме поощрения практики прерывания беременности и чего бы то ни было, что в наши дни понимается как «свобода выбора». О том же свидетельствует практически вся санитарно-просветительская литература эпохи[34]. Людей, в общем, старались убедить, что прерывать беременность плохо[35], а сами люди в основном считали, что аборты — неприятная, но неизбежная часть повседневности.

пущены два сборника об абортах в СССР, в 1925 и 1926 годах (Модернизация демографии). С. 201 (Аборты в 1925 году. Издание ЦСУ СССР. Москва, 1927; Аборты в 1926 году М.: Стат. Изд-во ЦСУ СССР, 1929).

32. *Маннс Г.* Аборт как социальное явление. С. 73.

33. О возникновении и деятельности Охматмлада см. *Егорышева И.* Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности народного комиссариата здравоохранения РСФСР // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 7. С. 29–36.

34. О динамике абортной политики и восприятии ее у населения см. *Лебина Н.* «Навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся женщин...». Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант» ЦСПГИ, 2007. С. 228–241. Из недавних исследований по теме аборта в раннем СССР см., например, *Северьянов М. Анисимова Л.* (2013) Аборт как средство планирования семьи в России первой четверти XX в. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 6. № 7.

35. Единожды, в раннем и довольно маргинальном санитарно-просветительном издании встретилась нам точка зрения (*Ривкин А.* Современный взгляд на аборт-выкидыш. Орша, 1922), представляющая собой едва ли не апологию аборта, автор уверен, что таковой совершенно безвреден (использование презерватива куда вреднее), а право решать вопрос о сохранении беременности принадлежит только матери (с. 14, в частности).

Программы по внедрению контрацепции были, судя по всему, редуцированы или практически свернуты после «Большого перелома».

В 1926 году были запрещены аборты для женщин, впервые беременных, а также для тех, кто делал эту операцию менее полугода назад. В 1930 году началась в печати антиабортная кампания, одновременно прерывание беременности стало платной операцией, цена росла, поэтому повысился процент абортов нелегальных[36]. 27 июля 1936 года постановлением ЦИК и СНК СССР аборты в стране были запрещены[37].

Долой бабку, или медицинская пропаганда о вреде абортов

Печатная санитарно-просветительская пропаганда, предназначенная для малообразованных слоев населения, в общем, может быть разделена на два типа изданий. Во-первых, это пособия по вопросам здоровья, число их чрезвычайно велико и требует отдельного исследования для обзора. Вердикт врачей вполне единодушен: аборт вреден и опасен, даже если делается врачом в больнице, а уж у «бабки» риск просто смертельный[38]. Примером пособия о вреде аборта (а также о доступных способах контрацепции) является выдержавшая шесть переизданий с 1925 по 1929 годы книга А. Гофмеклера[39]. Как нам уже известно, для допуска к бесплатному аборту в больнице нужно пройти строгий отбор, да и это значило только «гораздо меньше калечить свое здоровье»[40].

Второй тип — беллетризованная пропаганда, которая доносит заложенное в ней идеологическое послание в литературной форме, что облегчает восприятие, особенно для малообразованных слоев населения. Это агитационные суды, просто пьесы, а также другие литературные формы — поэмы, рассказы, повести и т. д.

36. *Лебина Н.* Повседневная жизнь советского города. С. 286.

37. Об общественном мнении и позиции властей по поводу этой ситуации см. *Пивоваров Н., Шок Н.* К истории запрета абортов в СССР. С. 166.

38. *Протоклитов С.* Долой бабку! М: Охрана материнства и младенчества, 1926.

39. *Гофмеклер А.* Аборт. М.: Охрана материнства и младенчества., 1927 (2 изд.), 1928 (3 и 4 изд.), 1929 (5 и 6 изд.). Первое издание вышло в 1925 году в «Библиотечке работницы».

40. Издание 1927 года, с. 19.

О предписаниях по применению такого рода агитации мы уже упоминали. Так, в повести «Фабричная любовь» девушка-работница калечит себе здоровье абортом, сделанным по настоянию отца ребенка[41].

Агитационные суды — отдельная любопытная тема санитарно-просветительной литературы эпохи. Существуют пособия по постановкам такого рода: там рекомендуется избегать, например, неконкретно сформулированных тем, вроде «суд на курением табака» или «суд над сифилисом»[42]. Много лучше, если объект критики персонифицирован: «Суд над женщиной, сделавшей аборт», «Суд над отцом и мужем-сифилитиком». Пример фабулы такого «суда»: муж, не желая второго ребенка, подталкивает, хотя и без прямого принуждения, жену к аборту у «бабки». В результате она становится инвалидом. Решение суда: женщину лечить и сочувствовать ей, мужа и «бабку» под суд[43].

Коммунистическая мораль о репродуктивных стратегиях: тяжело, но долг превыше всего

Итак, аборты делать плохо. Какую же стратегию в своем репродуктивном поведении должна выбирать женщина с точки зрения официальной идеологии? Целый путеводитель на эту тему мы обнаруживаем в рассказе М. Щелкановой «Рядовые». Это своего рода «святочная история» на раннесоветский лад: назидательное идеологически заряженное повествование с утопическим взглядом на «новую» молодежь, имеющее целью задать стандарты семейного и репродуктивного поведения. С точки зрения автора и транслируемого им идеологического посыла, надо вести себя, к примеру, как комсомолка Дуня и ее муж, студент Семен, у которых маленькая дочка Роза («правильное» новое имя). Семейная ситуация их в высшей степени любопытна: живут супруги раздельно, отказавшись на время и от половой жизни. Семену нельзя отвлекаться на семью и зарабатывание денег, так что

41. *Григорович Н.* Фабричная любовь. Драма в трех действиях. М.: МОДПиК, 1925.

42. *Ветров Б., Петров Л.* Агитсуд и живая газета в деревне. М.-Л.: Государственное Издательство, 1926. С. 49.

43. *Каневский А.* Суд над Анной Горбовой по обвинению в производстве себе выкидыша (аборта). Одесса: Одесский дом Санпросвета, 1925.

Дуне предоставлено самой решать все проблемы, и свои, и воспитания ребенка. На первомайской демонстрации все хвалят Семена и его жену «Вот вам, девчата, пример. А то, как что, — в клинику: “Не могу, профессор, у меня — верхушки [легких, т. е. туберкулез — М.Г.]. Сделайте аборт подешевле”»[44]. Итак, идеал: не делать аборта, родить ребенка, даже рискуя своим здоровьем, вопреки отсутствию денег, жилья и яслей, потому что «коллектив поможет»...[45] Тяготы воспитания младенца лежат, похоже, целиком на женских плечах. «Мы должны дать здоровых ребят. Пусть *наши* дети будут сменой» — восклицает Дуня[46].

«Живая газета», сборник для агитационных комсомольских постановок, насмешливо пугает в сатирических «Объявлениях Санпросвета»: «Объявление № 3. Специалистка Абортова для удобства публики переехала ближе к кладбищу. Ул. Родильной Горячки, дом Помираева»[47].

Задорные агитационные частушки призывают женщин:

Навострите, бабы, ушки,
Санпросветские частушки
Про аборт мы вам споем.
Не соврем, не соврем.

Как во все больницы наши,
Ходят Глаши, ходят Маши,
Не хотят рожать ребят,
Не хотят, не хотят.

44. *Щелканова М.* Рядовые. М.-Л.: Государственное издательство, 1926. С.42.

45. В повести «Рядовые» коллектив, наверное, поможет. В реальности же был немалый риск встретить кого-нибудь вроде некоего Петра Кувшинова, члена ВКПб с 1925 г. и многообещающего студента разных ступеней партшколы, который был очень сосредоточен на своей учебе, как и вымышленный «Семен», так что одна студентка родила от него ребенка и была брошена на произвол судьбы, другая поддерживала его деньгами и делала аборты, а женился он, не считая мелких увлечений, конечно же, на третьей, объясняя свои поступки «пережитками военного коммунизма». Вообще, ситуация студента, который «женится» во время учебы, чтобы облегчить себе быт, а став специалистом и приобретя хорошее положение, бросает малопрестижную жену, похоже, типовая. Первая жертва в письме «в инстанции» пишет: «Я думаю о смерти, как об избавительнице от нечеловеческих мучений. Я тоже человек, я не вещь, нельзя позволять так издеваться над собой. Я сознаю, что мы неверно поступили, дав ребенку родиться. Но почему “бедная женщина” несет все, а мужчина — ничего?» (Комсомольская правда, 5.08.1927, с. 3).

46. *Щелканова М.* Рядовые. С. 37.

47. Там же. С. 39.

Будьте, бабы, вы умнее,
Всё рожать-то здоровее,
Веселее, здоровей,
И верней, и верней...

Не для вас ли, не для вас ли
Очаги, приюты, ясли,
За ребенка платит он,
Таков закон, таков закон
[Т. е. гарантированы алименты — М. Г.].

Наши дети — наша смена,
Каждый выкидыш — измена,
Для страны рабочих всей,
Даешь детей, даешь детей.

За коммунара выйду замуж,
Запишуся в партию,
Каждый год буду рожать
Молодую гвардию![48]

«Партийная» литература об аборте: конечно, плохо, но коллектив важнее всего!

Любопытен специфически двойственный подход к теме аборта в «партийной» литературе. С одной стороны, так ли существенно, сделан ли аборт? Не важнее ли связь с коллективом? Высказывания наркома здравоохранения Семашко вроде «Топи половую энергию в общественной работе. Хочешь решить половую проблему (вопрос) (sic — М. Г.), будь общественным работником, товарищем, а не самцом или самкой»[49] — это лозунг, но при претензии на реализм без темы абортов не обойдешься. В произведениях, написанных в жанре «гипернатурализма», характерного для 20-х годов, аборты без обезболивания, которые вынуждены делать героини, описываются как ужасные и мучительные. Но главный вопрос — это не то, почему беззащит-

48. *Вольперт И.* Живая газета (материалы для вечеров санитарного просвещения). Под редакцией Санпросвета Ленинградского Губздравотдела. Выпуск 1. Л.: Санпросвет Ленинградского Губздравотдела, 1926. Санпросветские частушки. С. 3–5.

49. *Ужанский Г.* Об онанизме. Саратов, 1926. С. 14.

ные девушки страдают, а мужчины несут очень относительную ответственность за последствия половой связи. Нет, главное — не утратить свое место в коллективе и веру в идеалы братской коммунистической любви. Такова история Маньки Гузиковой из «Комсомольской правды» за 1925 год: девушка шестнадцати лет, осуждаемая матерью за развратное поведение, которому ее научили в «сукомоле» [искаженное «комсомол» — М. Г.], обретает утешение в «великой товарищеской любви рабочего класса к маленькой, неразумной дочери»[50]. Ее обидчик, «паршивая овца» местной комсомольской ячейки, отдан под общественный суд.

В романе В. Кетлинской «Натка Мичурина» часто встречающаяся коллизия, когда герой — коммунист и работник хороший, а вот партнер для женщины ненадежный и опасный. Главная героиня проходит через страдания, унижения и травмы от абортов, но обретает личное счастье и, главное, находит поддержку у комсомольского коллектива:

> Самая главная вина Сизова... не в том, что он бросил, не в том, что толкал на аборты, а в том, что уговаривал Мичурину именем коммунистической морали, что все это он делал именем комсомола, прикрываясь авторитетом секретаря[51].

При этом аборты нигде прямо не одобряются, право на них никогда не формулируется с точки зрения права женщины на выбор — рожать или нет, в целом аборт воспринимается отрицательно, обычно в сюжете он является следствием мужского предательства.

В рассказе Н. Божинской «Свободная любовь» девушка не поддается уговорам парня и не прерывает беременность, а расстается с ним, рожает ребенка и воспитывает при содействии коллектива. Само название рассказа полемично по отношению к популярным в эту эпоху идеям раскрепощения отношений между полами: для кого эта любовь «свободная»? Уж точно не для девушки с ее риском забеременеть и встать перед тяжелым выбором, от которого ее партнер имеет все шансы уклониться. Любопытно, что о несостоявшемся аборте девушка говорит ему как именно о неудавшемся убийстве их сына: «Твоего сына нет! Ты велел убить

50. *Огнев Н.* Манька Гузикова // Комсомольская правда. 22.09.1925. С. 3.

51. *Кетлинская В.* Натка Мичурина. Л.: Прибой, 1929. С. 182.

его!»[52]. Восприятие аборта не как угрозы физическому здоровью женщины, а как «убийства ребенка» для 20-х годов — большая редкость. Еще одна пьеса Н. Божинской опять осуждает «некоммунистическое отношение к женщине»[53]: комсомолец, собираясь бросить жену ради другой женщины, уговорил ее на аборт, а она умерла от осложнений.

Но очевидно, что идеи «каждый год рожать молодую гвардию» и ждать помощи от носителей «великой товарищеской любви рабочего класса», то есть коллектива — поле идеологического усилия выдать «желаемое за действительное». В реальности же большинство населения, особенно женского, — равнодушно к идеологии и довольно безыдейно, а то и религиозно. Беспартийных девушек и женщин интересуют в основном старомодные вопросы — за кого выйти замуж, да понадежней, а то и в церкви повенчаться; на что жить с мужем и растить детей[54]. В лучшем случае они не против того, чтобы поднять своей культурный уровень, но не ценой отказа от семейной жизни[55].

Эпоха между Гражданской войной и «Великим переломом» имеет свою ярко выраженную специфику: многие традиционные социальные и семейные структуры сломаны или трансформируются, а новая норма еще не сложилась. Что проку в праве на труд, если высок уровень безработицы, и первые кандидаты на «сокращение штатов» — женщины?[56] А что делать матерям, многие из которых в одиночку воспитывают ребенка, а то и нескольких? Зачастую они и работать не могут, дети отнимают все время

52. *Божинская Н.* Свободная любовь. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 29.

53. *Божинская Н.* Преступление Ивана Кузнецова. Молодая Гвардия, 1927. С. 63.

54. Вообще герои нашего исследования — это в основном то большинство, которое развивавший концепт аномии социолог Роберт К. Мертон относил к первому и самому распространенному типу приспособления индивидов в обществе — конформному (*Мертон Р.К.* Социальная структура и аномия // Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006. С. 255–56). Это люди, которые готовы принять и культурные ориентиры общества (при всех их переменчивости), и институционализированные средства достижения этих целей; для них расшатывание нормы или сосуществование в обществе элементов разных систем ценностей создает ощущение нестабильности, которое они стремятся преодолеть поиском новой нормы.

55. Систематическое описание усилий власти по дискредитации института семьи см.: *Дорохина О.* Семья и Новая экономическая политика (НЭП): эксперимент против традиции // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5. С. 87–91.

56. *Бухаренкова О.* Советская политика ликвидации безработицы в 1921–27 годах. М.: Редакционно-издательский отдел МГОГИ, 2013. С. 21–22.

и силы, а специальности нет. Легкость вступления в брак и развода обернулась «алиментной эпидемией» (это термин эпохи), и хорошо, если отцу ребенка есть с чего платить алименты[57]. В общем, имеет место «громадная легкость и безответственность сношений, где страдающей стороной является женщина»[58].

Женщина уязвима в любой ситуации: на рынке труда она — первый кандидат на увольнение; если у нее есть семья, то она рискует оказаться единственной кормилицей детей, потому что муж может беспрепятственно уйти из семьи и не платить или почти не платить алименты, а если решит регулировать рождаемость — то почти обречена на аборт, который, хотя и дает некоторую свободу маневра, все равно рискованная и малоприятная процедура.

Похоже, умение избежать абортов само по себе может оцениваться как своеобразная «доблесть». Так, карикатурно изображенная мать-«мещанка» в водевиле на тему запутанной брачной истории гордо восклицает: «Слава богу... уж третью дочку за сознательного человека без абортов записываем!». «...Я ее, может, на последний рацион вскормила-вспоила... берегла от аборта, девочку мою...»[59].

И барышням, в самом деле, было чего бояться: «Суд над половой распущенностью»

Едва ли не все катастрофические сценарии брачной жизни (мужчина не женится на беременной подруге, или разведется, бросив с ребенком, или будет развратничать, или придется делать аборт и расплачиваться здоровьем) девушек и их родителей собраны в необыкновенно насыщенной агитпьесе «Суд над половой распущенностью»[60]. На совести главного героя, кандидата в члены партии Васильева, представляющего собой собирательный образ развратника и неверного мужа, числятся искалеченные, в том

57. Целая библиотечка посвящена в эпоху НЭПа алиментам, как социальной и юридической проблеме. Например, *Акимов Г.* Семь жен Ивана Грузного или Дело об алиментах. М.: Московское Театральное Издательство, 1926. *Дадьянц Н.* Иски об алиментах. Взыскание в судебном порядке на содержание детей, родственников и супругов. М.: Право и жизнь, 1927. *Семашко Н.* Против алиментной эпидемии, или на алименты надейся, а сам не плошай. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.

58. *Лебедева В.* Самоистребление человечества // Коммунистка. 1923. № 9. С. 3–5.

59. *Балагин А.* Свадьба Чехова // Советский водевиль. Сборник 6. М.-Л.: МОДПИК, 1928. С. 16–17.

60. *Демидович Е.* Суд над половой распущенностью. М.-Л.: Долой неграмотность, 1927.

числе абортами, судьбы и здоровье нескольких женщин, при этом с идеологической точки зрения его ужасное по житейским меркам поведение можно не только понять, но и простить за заслуги перед рабочим классом.

Примечательны тут два момента: во-первых, подсудимый твердо уверен в своем праве жениться столько раз, сколько ему захочется. Удивлен тем, что последняя жена, брошенная им на раннем сроке беременности и стоящая перед выбором: растить ребенка без отца или делать аборт, подает на него жалобу в комсомольскую ячейку, поскольку «в советской России полная свобода брака: живу люблю, разлюбил — ухожу. Алименты пускай вычитают, а насильно с ней жить меня никто не заставит»[61]. Во-вторых, максимум расплаты за это поведение — «суровое пролетарское порицание» и некоторая отсрочка при приеме в партию. В конце концов, он «рабочий и студент, хороший товарищ и кандидат партии»[62]! Все это («большая честность и ясность в общественно-трудовой жизни») перевешивает «полную неразбериху в половой области»[63]. В конце концов подсудимый осознал нанесенный им вред и несоответствие его безответственного поведения «режиму экономии», обещал жениться на одной из своих жертв и вести себя «хорошо», обратиться к врачу, чтобы восстановить здоровье, подорванное слишком рано начатой энергичной половой жизнью (одна из любимых идей эпохи). В общем, очевидно вопиющее поведение в личной жизни оправдывается с точки зрения коммунистической морали.

К тому же раскаянье вымышленного товарища Васильева — это очередной «святочный рассказ», а в действительности ничто не мешает мужчине заключать «браки на день, два», заводить «сезонных» жен»[64], а то и целый гарем. Например, секретарь комсомольской ячейки при беременной жене начинает жить с пятнадцатилетней пионеркой (sic!), заявляя: «Я хочу две жены иметь — кому какое дело!», и никаких санкций от райкома не следует[65].

«Гражданский» брак так же легко заключить, как и расторгнуть, строго говоря — хоть на следующий день, а по кодексу 1926

61. Там же. С. 6.

62. Там же. С. 31.

63. Там же. С. 37.

64. Суд идет. 1928. № 16. Ст. 917.

65. *Смидович С.* О кореньковщине // Комсомольский быт / сост. Разин И. М.-Л.: Молодая Гвардия, 1927. С. 138.

года это можно сделать в одностороннем порядке, а уведомление выслать второй стороне по почте[66]. Тот же новый Кодекс о браке, семье и опеке 1926 года уравнивает зарегистрированный и незарегистрированный брак, но любопытна статистика: в зарегистрированном браке аборт делают куда реже[67]. По социальному составу абсолютное большинство делающих аборты — это рабочие и служащие, как сами женщины, так и жены рабочих и служащих (более 71 процента)[68].

Молодых людей, склонных к смене партнерш, не сдерживают общественные и моральные санкции. Некий молодой шахтер в числе прочих своих «подвигов» бахвалится: «У меня Ленка второй аборт сделала»[69] (это повод для «мужской гордости»).

Венчаться в церкви, а иначе брак «без силы и обязательности»

А имели ли какое-то значение в принятии решения о сохранении беременности религиозные убеждения? Вообще вопрос об уровне религиозности населения при Советской власти — большая исследовательская тема, выходящая за рамки данного исследования. Статистические данные, полученные во время «закрытой» переписи 1937 года, говорят о — в среднем — высоком ее уровне[70]. В 20-е годы церковная санкция ни на создание семьи, ни на рождение и социализацию детей уже не только не была обязательной, но и начинала становиться нежелательной[71]. Значило ли это,

66. Кодекс законов о браке, семье и опеке. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 13 декабря 1926 года, № 82, часть 1, ст. 612, 1026, статья 140.

67. *Халфин В.* Истребление плода (аборт) в Москве и Московской губернии // Проблемы преступности. Сборник. Вып. 2. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 203.

68. Там же. С. 204.

69. Комсомольская Правда. 20.06. 1926. С. 4.

70. Например, в направлении, обозначенном в статье о «закрытой» переписи населения 1937 года, выявившей сенсационное количество верующих в стране через двадцать лет после прихода советской власти: *Жиромская В.* Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический Вестник. 2000. № 1(5). С. 105–114.

71. Хотя в первое время доходило до курьезных случаев: так, в 1919–1920 годах встречаются ситуации, когда разведенные по новому законодательству требовали от Церкви венчать их повторный брак, при том что церковного развода, конечно, не получали (*Белякова Е., Белякова Н., Емченко Е.* Женщина в православии. Церковное право и российская политика. М.: Кучково поле, 2011. С. 410–411) Велика

что люди просто перестали венчаться и без колебаний перешли на заключение брака в загсе?

Как неоднократно указывал в своих исследованиях Г. Фриз, у историков русской Церкви замкнутая история институтов заслонила собой тему Церкви в истории как фактора политической и социальной динамики[72]. Исследовательские мнения о проблеме церковного брака в раннесоветское время существуют[73], но явно выражают взгляд на проблему с точки зрения Церкви как института. Ощущается большой недостаток исследований, которые рассматривали бы эту проблему глазами простых верующих, прихожан и тех, кто, не являясь уже регулярным членом церковного сообщества, все же сохранял уважение к Церкви и ее традициям[74]. Как относились к венчанию верующие, вынужденные приспосабливать свои убеждения и привычки к совершению церковного ритуала с жизнью в государстве, провозгласившем своей целью борьбу с Церковью и религией вообще?

Тема церковного брака в 20-е годы представляет собой перспективный поворот в изучении «народного православия» и является частью возникшей в недавнем времени историографической тенденции смещения исследовательского фокуса с истории Церкви как института в область исследований бытовой религиозности. Особого места заслуживают здесь исследования Г. Л. Фриза, близкие по тематике проблеме церковного брака в советское время, но относящиеся в основном к дореволюционному периоду[75]. Проблема церковного брака (в связи с разводом в первые годы советской власти) затронута в одной из его статей[76] и упоминается в другой[77].

же была сила традиционного представления о том, что брак, даже для нецерковных людей, — это непременно венчание!

72. *Фриз Г.* «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 33.

73. *Белякова Е., Белякова Н., Емченко Е.* Женщина в православии. Глава 9, 7, 8 (С. 408–425), Глава 10.1. С. 426–435.

74. *Фриз Г.Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг.

75. *Фриз Г.Л.* Мирские нарративы о священном таинстве: Брак и развод в позднеимперской России // «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи. Сборник статей / Грегори Фриз; под ред. П. Рогозного. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. С. 132–181.

76. *Фриз Г. Л.* Русское православие и кризис семейных отношений: развод в годы революции и войны, 1917–1921 гг. // «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи Сборник статей / Грегори Фриз; под ред. П. Рогозного. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. С. 316–350.

77. *Фриз Г. Л.* «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. С. 102.

Таким образом, раздел этой статьи, посвященный церковному браку, призван начать заполнение исследовательской лакуны в области изучения религии в повседневности ранней советской истории, повествуя о «мирских нарративах» церковной традиции в эпоху НЭПа.

Дело в том, что церковный брак был весьма популярен в эпоху НЭПа и, судя по всему, зачастую воспринимался и беспартийными девушками, и их родственниками не только с религиозной точки зрения, но и как своего рода моральная гарантия серьезности намерений жениха и дань традиции.

Например, в изданной в 1925 году книге о «женском вопросе» в комсомоле рассказывается о случае, когда престарелая тетка и опекунша невесты, мастер цеха (все действующие лица — рабочие), требует обязательного венчания племянницы и ее жениха, которые не против простой регистрации в загсе, и добивается своего буквально шантажом: согласившись на церковь, молодые получат роскошную свадьбу, а отказавшись — бойкот со стороны родственников и ни копейки денег[78]. Брачный аферист в Ленинграде, выманивающий у безработной «совбарышни» (т. е. мелкой служащей) ее имущество, в числе главных приманок, долженствующих убедить девушку в серьезности его намерений и завоевать ее доверие, называет обязательное венчание в церкви в настоящем свадебном платье из Гостиного Двора и только потом гражданская регистрация[79].

Пропаганда постоянно пытается дезавуировать церковный брак в глазах населения, но даже в городе значительная часть брачующихся считает необходимой церковную церемонию вплоть до того момента на рубеже 30-х годов, когда массово стали закрывать церкви. По данным сборника, подготовленного в рамках дискуссии о новом Кодексе о браке, семье и опеке, в Москве за месяц, взятый для обследования, треть браков, примерно тридцать процентов, заключалась не только в загсе, но и в церкви, и это данные по Москве, причем официальная статистика[80]. В деревне этот показатель был много выше: в 1927 году в Тверской губернии 80

78. *Лин И.* Ячейкина дочь. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925. С. 50–52.

79. Суд идет. 1926. № 3. Ст. 181–184.

80. Стенографический отчет заседаний 2 сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва 17 и 19 октября 1925 года по проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке // Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву / ред. Курский Д.И. М.: Юридическое издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р., 1926. С. 111.

процентов пар венчаются в церкви[81]. Стандартная ситуация — девушка из «приличной» семьи, требующая венчания, иначе брак «кажется лишенным всякой силы и обязательности»[82]. Впрочем, даже в советской прессе и публицистике проскальзывают упоминания тех случаев, когда религиозные обряды явно значат для женщин больше, чем традиционная формальность. Так, в 1925 году в Великом Новгороде девушка хочет венчаться именно из религиозных, а не «мещанских» соображений[83], и свадьба в результате расстраивается, а события едва не приобретают трагический оборот.

Агитационное издание, посвященное антирелигиозной пропаганде среди женщин, упоминает случай: в семье красноармейца жена, не сумев настоять на венчании, так как ребенок родился до свадьбы, крестила младенца. Муж-коммунист энергично возражал, тогда супруга, заявив: «я же не допущу, чтобы мой ребенок рос антихристом!», ушла и отсудила алименты[84].

Вполне определенно можно говорить о стойких традициях бытовой религиозности. Это отражается и в лексиконе эпохи — выйти замуж значит «повенчаться», даже если брак регистрируется в загсе[85]. В одном из наших источников, «Журнале для хозяек», дамском издании эпохи НЭПа, наблюдается характерное сочетание тенденций. С одной стороны, журнал с 1922 по 1926 годы исправно публикует рецепты пасхальной снеди, с другой — дискуссию об абортах (см. ниже), в которой представлены разные точки зрения на допустимость прерывания беременности, в том числе резко отрицательные[86].

Но в этой подборке писем нет намека на религиозную подоплеку принятия таких решений, будь то с точки зрения недо-

81. Altrichter, H. (1991) “Insoluble Conflicts: Village Life between Revolution and Collectivization”, in Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinovitch, and Richard Stites (eds) *Russia in the Era of the NEP. Explorations in Soviet Society and Culture*, p. 203. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

82. *Галина А.* При бенгальских огнях // Журнал для хозяек. 1922. № 3–4. С. 27.

83. Суд идет. 1925. № 5. Ст. 307–308.

84. *Костицын А.* Трудящаяся женщина и религия. М.-Л: Московский рабочий, 1929. С. 83.

85. Комсомольская правда 1926, 228 (411), 3.10, с. 1.

86. Аборт вреден для здоровья и «еще более преступен с нравственной точки зрения», но преступность выражается в том, что содеянное накладывает отпечаток на «моральную физиономию женщины» и разрушает браки, вообще аборт — убийство; но четкой аргументации, религиозной, например, нет (Журнал для хозяек, 1925. № 3, с. 7).

пустимости аборта по религиозным соображениям или, напротив, отрицания традиционного религиозного восприятия аборта как греха. В одном из номеров «Журнала для хозяек» за 1925 год опубликован рассказ, воспроизводящий типовую семейную коллизию: муж не хочет детей, жена слушается его, но, забеременев, с колебаниями рожает ребенка и понимает, взяв его на руки, что ребенок — «победитель»[87]. Не исключено, что отсутствие религиозной аргументации — следствие внутренней цензуры, попытка приспособить традиционное издание к актуальным идеологическим запросам.

«Не ограничивайте аборты, а то вы убьете женщину совсем»: голоса женщин эпохи

Но вне зависимости от партийной принадлежности, религиозных убеждений и гражданского статуса все, кто не отказывается (обычно из страха перед венерическими заболеваниями, это распространенный повод для невроза) от половой жизни, обычно сталкиваются с ее последствием — беременностью, а также необходимостью принять решение о том, дать ли жизнь ребенку.

И девушки, и женщины эпохи (в отличие от пропагандистов) вполне логичны в обосновании своего права на аборт: политически активные женщины хотят участвовать в общественной жизни, получать образование, работать, а воспитание ребенка связано с огромными сложностями. Домохозяйки, у которых дети уже есть, не могут позволить себе дальнейшую бесконтрольную рождаемость, которая влечет большие расходы, бытовые трудности и угрозу для здоровья всей семьи. Кроме того, матерям семейств хочется если не работать, то хотя бы культурно развиваться.

Вот швея двадцати трех лет говорит о том, что у нее нет потребности быть матерью, ребенок оторвал бы ее от общественной жизни, которая очень важна для нее, действительность такова, что вырастить в ней здоровое, благополучное, без нервных болезней потомство — практически невозможно[88].

Общественно активная девушка восемнадцати лет, правда, еще не делала «выкидышей», но, если это будет нужно, готова сде-

87. Журнал для Хозяек, 12. 1925. С. 14–15.

88. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи. М.-Л.: Государственное издательство, 1923. С. 107–108.

лать «хоть тридцать»[89]. Любопытно, что аборты представляются еще не делавшим их девушкам неотъемлемым элементом активной жизни на новый лад. Так, героиня рассказа «Сусло», опубликованного в «Комсомольской правде» в 1925 году, колеблется, обдумывая выбор: остаться ли в Москве, где неустроенность, полуголодное существование, зато учеба, интересная жизнь и необыкновенные люди, или вернуться к матери в провинцию, где ее ждет сытое мещанское существование и ухажер-обыватель:

> Ей хочется закричать матери: «Вы что, думаете, что я замуж пойду за этого мещанина, что я вам внуков нарожу? Успокойтесь, этого не будет! Захочу, так и без брака жить буду — да! да! да! Аборты буду себе делать — да! да! да!»[90]

Уникальная подборка дискуссии об абортах из «Журнала для хозяек» в 1925 году содержит широкий спектр точек зрения на проблему аборта. Звучат голоса самых заурядных и менее всего заметных на фоне бурной эпохи семейных женщин — обычных относительно образованных домохозяек. Представлены разные, в том числе полярно противоположные, точки зрения: 1. Аборт губителен и недопустим, как с нравственной точки зрения, так и для здоровья женщины, вплоть до мысли о том, что это равнозначно убийству ребенка («здоровый материнский инстинкт, изуродованный человеком-зверем»[91]). Религиозная составляющая не упоминается. 2. Аборт — это спасение женщины от бытового рабства. Особенно характерно, что вторая выражена в чистом виде корреспондентом, назвавшим себя «Мужчина»: аборт — это победа над природой. Беременность, к которой, как и к материнству, надо относиться без «фетишизма», превращает «величественного разумного» человека в «самку», «наседку с цыплятами», «обезображивает женщину, делает ее больной, а роды калечат и тело, и душу ее»[92].

89. Там же. С. 108.

90. Комсомольская правда, 106, сентябрь 1925. С. 3. На ту же тему, в судебных очерках, о драматическом повороте в отношениях любовников, приведшем впоследствии к трагедии: мужчина против аборта, который для женщины — норма, «Эпштейн, привыкшая к абортам» (*Брауде И.* В уголовном суде. Из записок защитника 1922–1928. Издание второе, дополненное. Харьков.: Юридическое издательство наркомюста УССР, 1929. С. 22).

91. Ответы на анкету — «Допустим ли аборт?» // Журнал для хозяек 1925, № 3. С. 7.

92. Ответы на анкету — «Допустим ли аборт?» // Журнал для хозяек. 1925. № 4. С. 4–5.

Но наиболее выразительны высказывания женщин, которые пытаются найти компромиссное решение: что, собственно, делать замужней женщине, которая не мыслит своей жизни вне семьи и рождения детей, но не хочет и не может позволить себе родить их дюжину? Выход один — аборты как средство планирования семьи; вещь это скорее неприятная, более физически, нежели морально, но практически неизбежная.

Очень интересен ответ корреспондента «Домохозяйка», у которой за двенадцать лет замужества было двенадцать беременностей, из которых родилось четверо живых детей, видимо, трое мертворожденных или скончавшихся в младенчестве и пять прерванных беременностей. Для нее аборт — это просто «семиминутная манипуляция», а потом счастье и освобождение от траты двух лет на очередного младенца. Она хочет развиваться, ходить на лекции и собрания, а от загруженного работой и общественной деятельностью мужа помощи никакой.

> Сейчас идет строительство страны, у всех стремление войти поглубже в общественную жизнь, которая захватывает многосемейных отцов и матерей. Дети сейчас тяготят и не дают отойти от кухни и пеленок... Не говорим о большем, чтобы совсем, навсегда от детей освободиться, но путем аборта оттяжку можно сделать... Не ограничивайте аборты, вы убьете женщину совсем[93].

Корреспондент, подписавшийся «Женщина», замечает, что образ счастливой многодетной матери из романа Эмиля Золя «Плодородие» с действительностью общего не имеет. Разве может кто-то, кроме богачей, позволить себе более двух-трех детей? Да и мужчины лицемерят, выступая против аборта, потому что частые роды убивают женскую красоту и здоровье:

> ...Когда женщина несет службу наравне с мужчиной, частая беременность выбила бы ее совершенно из колеи. Вовремя предотвращенная беременность, правильное отношение к своему здоровью в период после произведенного аборта во всяком случае больше сохранит женщине здоровье, чем бесконечные роды[94].

93. Там же. С. 5.

94. Ответы на анкету... // Журнал для хозяек. 1925. № 3. С. 7.

Читательница «Елоховская» пишет, что в двадцать один год у нее уже двое детей, и она собирается делать аборт.

> Провести молодость среди пеленок, плача и болезней — благодарю покорно... Что это за женщина, которая народит кучу ребят, сама отупеет с ними, как чурбан; всюду нехватки, грязь, недоедание, нет средства дать детям должного воспитания, ни одеть, ни обуть, только грязь, болезни, ругань — хороша семейная идиллия, нечего сказать. Женщина постаревшая, изношенная, издерганная частыми беременностями и родами, озлоблена на всех, на весь мир. Нужно самому побыть в этой шкуре, а потом писать статейки, как это делают некоторые, не имея ни одного ребенка. Потрудитесь сами родить человек шесть, выходить их, а тогда и расписываться[95].

Она безусловно одобряет то, что Советская власть разрешила делать аборты бесплатно и в больнице.

В общем, аргументацию женщин в пользу аборта можно суммировать следующим образом:

1. Мы хотим развиваться, принимать участие в общественной работе, что совершенно невозможно при большом количестве детей.
2. Многодетность в существующих условиях обрекает семью на нищету.
3. Наконец, бесконечные беременности и роды губительны для здоровья и красоты.

Никакого внятного ответа на эти вызовы — почему мы, женщины, собственно, не должны делать аборты, когда нам захочется? — пропаганда, партийная и санитарно-просветительская, дать не в состоянии. Только вполне обоснованно с медицинской точки зрения пугать последствиями, агитировать молодежь «пропитать семейную атмосферу общественным содержанием», «практиковать методы социалистического воспитания детей», «жить вместе с коллективом, работать и в семье для революции, давать образец коммунистической жизни на дому»96, а также призывать рожать «богатырей» и мужественно преодолевать (в основном без помощи мужчин) бытовые и социальные трудности, как «Дуня», вы-

95. Там же. С. 7.

96. *Кетлинская В., Слепков В.* Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). М.-Л.: Молодая Гвардия, 1929. С. 61–62.

мышленная «правильная» мать «Розы». Мало-мальски трезвый взгляд на проблему делает очевидным ответ: в эпоху ломки традиционных социальных, религиозных, семейных структур, а также активного вовлечения женщин в социальную и профессиональную жизнь, они, во-первых, уж точно не будут рожать «сколько Бог даст», во-вторых, не откажутся от секса в пользу сублимации половой энергии в физкультуру и активизм97. В связи с чем общественный консенсус по данному вопросу просто невозможен.

Заключение

Данная работа построена на пересечении векторов исследовательского интереса специалистов целого ряда историографических направлений. С одной стороны, будучи методологически основана на приемах истории повседневности, она затрагивает историю медицины в получившем особое звучание в наши дни аспекте отношения к аборту и восприятия его с точки зрения нормы или аномалии.

С другой стороны, источники по истории повседневности неожиданно выявили данные по малоизученной и перспективной теме истории Церкви с точки зрения не ее институтов и их взаимоотношения с властью, а жизни простых верующих, которые вынуждены приспосабливать свои религиозные убеждения и привычное уважение к церковным ритуалам к существованию в государстве, принципиально нацеленном на борьбу с религией и Церковью. В условиях разрушения института традиционной семьи и расшатывания моральных устоев особенно острым оказываются вопросы репродуктивного здоровья женщин и условий для рождения и воспитания детей; решение этих вопросов в новом контексте оказывается сопряженным с новыми, непривычными рисками.

97. Представляется уместным привести в качестве аргумента результаты исследования по демографии и последствиям запрета абортов в СССР в 1936 году (*Кириллова Д.* Рождаемость в СССР в 1930-е годы. Государственная политика. Статистика (по материалам текущего учета ЦУНХУ СССР). М.: изд-во ЦГЛ РОН, 2005. С. 97–98): желаемые результаты (увеличить рождаемость без социального обеспечения, помощи матерям, улучшения уровня жизни) достигнуты не были, после краткого подъема рождаемости в 1937 году (сопровождавшегося ростом материнской и младенческой смертности, поскольку не хватило ни коек в роддомах, ни медикаментов, ни врачей) все показатели (тенденция к снижению рождаемости и число абортов) накануне войны быстро вернулись к прежнему уровню.

В эпоху НЭПа главным водоразделом по вопросу об абортах было не противоречие религиозной и секулярной морали (как в современном противостоянии сторонников и противников абортов), а конфликт между двумя другими крупными тенденциями.

С одной стороны, были традиционные взгляды, которые, в принципе, базируются на религиозной морали, но в действительности в 1920-е годы значительная часть населения, разделяя традиционные взгляды на семью и репродуктивную сферу, собственно к религии была уже в разной степени равнодушна[98]. Однако люди часто сохраняли приверженность церковным обрядам, иногда потому, что действительно были верующими, иногда — воспринимая обряды как способ нормализации и упорядочивания жизни на фоне бурных перемен эпохи. Позиция Церкви по вопросу об абортах была, конечно, отрицательной, о чем есть данные в связи с Поместным собором 1917–1918 годов. Но о каких-то артикулированных публичных выражениях мнения церковного начальства по поводу абортов ни до, ни после революции нам неизвестно.

С другой стороны, была новая коммунистическая мораль, попытка сконструировать и массово внедрить которую предпринимается без особого успеха в эпоху НЭПа. Противоречия не были преодолены не только между «традиционалистами» и «новаторами», но и внутри собственно нового дискурса, который власть только начинает формулировать, пробуя разные подходы. Как констатируют исследователи, «...единой “теории советской сексуальной революции” у идеологов не было»[99].

С одной стороны, в 20-е годы прокламировалась свобода отношений между полами и вступления в брак, освобожденного от религиозных коннотаций, и развода, женщин побуждали повышать уровень культуры и образования, идти на производство, участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами[100]. С другой — реализация этих свобод была мало обеспечена с экономической, социальной и медицинской точки зрения и приводила к нестабильности семьи и неизбежности абор-

98. О причинах этого явления см., например, *Лучшев Е.* Антирелигиозная пропаганда в СССР 1917–1941. С.-П.: Государственный музей истории религии, 2016. Глава 1. У истоков советского безбожия. С. 7–55.

99. *Пушкарев А., Пушкарева Н.* Ранняя советская идеология 1918–1928 и «половой вопрос». С. 202.

100. Общий обзор см. у Goldman, W. *Women, the State and Revolution*, pp. 101–143.

тов, легализованных, но воспринимаемых властью как «меньшее зло». Санитарно-просветительская пропаганда — еще один рупор власти — озабочена была не столько идеологическими соображениями или даже приростом населения, сколько вопросом женского здоровья, поэтому призывает женщин если и делать аборты, то в исключительном случае и только в больнице, утверждая, что роды много полезней для женского организма, чем аборт. В идеологически заряженной литературной продукции аборт никогда не оценивается положительно как проявление женской свободы выбора, хотя право на него не отрицается. Тема «выкидыша» или второстепенна по отношению к главной — участию в производстве, партийной и общественной активности, или выводится в качестве разной степени негативного явления.

Мнение властей сводилось в 20-е годы, по мысли В. Голдман, к трем соображениям: 1. Женщины стремятся делать аборт из-за бедности, улучшение экономического положения приведет к исчезновению потребности в нем. 2. Решение о сохранении беременности — дело общества, а не личное. 3. Потребности общества в воспроизведении в конечном счете выше личного женского желания или нежелания заводить ребенка[101].

Но очевидно, что тут нет внятного ответа на главный вопрос, с которым сталкивается почти каждая женщина фертильного возраста, живущая половой жизнью, в браке или вне его: как контролировать рождаемость? Непрерывно рожать невозможно по целому ряду веских причин, адекватной массовой контрацепции просто нет. Остаются одни аборты, причем допуск к ним ограничен. И женщины это прекрасно понимают, поэтому мало слушаются пропаганду и относятся к абортам в основном как к неприятной неизбежности, а то и благу: как, собственно, они смогут, следуя несущимся отовсюду призывам, развиваться и работать, если будут рожать по младенцу каждые полтора-два года? Кроме того, часто и выбора нет — женщина должна работать, чтобы прокормить себя и детей. Поэтому не подлежит сомнению, что, получив отказ в «абортной» комиссии, немало женщин пользовалось услугами подпольных клиник, акушерок, «бабок» и т.п.

Показательно, что и для врачей, и для пропагандистов, и для женщин крайне редкой является постановка вопроса о праве

101. Goldman, W. *Women, the State and Revolution*, p. 257.

на жизнь зачатого ребенка. Обсуждается экономический аспект жизни семьи (сколько детей можно себе позволить) и женское здоровье (например, насколько риск абортов серьезней риска от многочисленных родов), но вопрос о том, сравним ли аборт с убийством, почти не ставится. Демографический аспект тоже не является решающим в медицинском дискурсе вплоть до начала 30-х годов[102].

В общем, как замечает Н.Б. Лебина,

> аборт даже в начале 1920-х годов никем из официальных лиц в Советской России не рассматривался как медико-юридическая и морально-нравственная норма. Но на уровне массового сознания… искусственный выкидыш рассматривался как обыденное явление[103].

Уровень религиозности населения в межвоенный период еще высок, в эпоху НЭПа многие венчаются, крестят детей и сохраняют приверженность традиционным церковным обрядам, но фактора связи между религиозными убеждениями и решением о сохранении беременности пока не установлено. Роль мужчин вообще несущественна: они могут настаивать на аборте для собственного удобства или просто одобрять саму идею его допустимости, но, по умолчанию, в том числе и с точки зрения официальной пропаганды, дети — это прежде всего забота матери, даже в полной относительно благополучной семье. В конце концов, мужчина по закону, без особого социального осуждения, может уйти из семьи и в лучшем случае платить скудные алименты, а мать от детей никуда не денется, ей о них заботиться и их кормить в любом случае.

Впоследствии, после «Великого перелома», была сделана ставка не на заботу о репродуктивном здоровье женского населения и создание условий, которые позволят родить и воспитать детей, не совершая подвигов самоотречения, а на игнорирование со-

102. В своей обстоятельной статье С. Гросс Соломон отмечает, что вообще как демографический (аборты могу угрожать приросту населения), так и моральный (производство аборта безнравственно) аспекты играли не очень значительную роль в медицинском дискурсе на тему аборта вплоть до начала 30-х годов. Главным был вопрос женского здоровья. Gross Solomon, S. (1992) "The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920's", *Cahiers du Monde russe et soviétique* 33 (Jan. –Mar. 1): 60.

103. *Лебина Н.* «Навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся женщин…» С. 231.

ответствующих проблем, что привело к дальнейшему демографическому спаду[104]. Примечательно, что моральный конфликт формулировался советским обществом не с точки зрения права женщины на аборт, а как вопрос исполнения или неисполнения ею долга по отношению к государству, партии, семье, что сформировало специфический вектор общественного конфликта по вопросу аборта в советском обществе.

Библиография / References

Аборты в 1925 году. М.: Издание ЦСУ СССР, 1927.

Аборты в 1926 году. М.: Стат. Изд-во ЦСУ СССР, 1929.

Акимов Г. Семь жен Ивана Грузного или Дело об алиментах. М.: Московское Театральное Издательство, 1926.

Балагин А. Свадьба Чехова // Советский водевиль. Сборник 6. М.-Л.: МОДПИК, 1928. С. 3–22.

Белякова Е. Церковный суд. М.: НПКЦ «Духовная библиотека», 2004.

Белякова Е., Белякова Н., Емченко Е. Женщина в православии. Церковное право и российская политика. М.: Кучково поле, 2011.

Божинская Н. Преступление Ивана Кузнецова. М.: Молодая Гвардия, 1927.

Божинская Н. Свободная любовь. М.-Л.: Государственное издательство, 1927.

Брауде И. В уголовном суде. Из записок защитника 1922–1928. Издание второе, дополненное. Харьков: Юридическое издательство наркомюста УССР, 1929.

Бухаренкова О. Советская политика ликвидации безработицы в 1921–27 годах. М.: Редакционно-издательский отдел МГОГИ, 2013.

Ветров Б., Петров Л. Агитсуд и живая газета в деревне. М.-Л.: Государственное издательство, 1926.

Вольперт И. Живая газета (материалы для вечеров санитарного просвещения). Под редакцией Санпросвета Ленинградского Губздравотдела. Выпуск 1. Л.: Санпросвет Ленинградского Губздравотдела, 1926.

Гельман И. Половая жизнь современной молодежи. М.-Л.: Государственное издательство, 1923.

Генс А. Аборт в РСФСР. М.: Издательство «Охрана материнства и младенчества», 1925.

Гофмеклер А. Аборт. М.: Охрана материнства и младенчества., 1927.

Григорович Н. Фабричная любовь. Драма в трех действиях. М.: МОДПиК, 1925.

Дадьянц Н. Иски об алиментах. Взыскание в судебном порядке на содержание детей, родственников и супругов. М.: Право и жизнь, 1927.

Демидович Е. Суд над половой распущенностью. М.-Л.: Долой неграмотность, 1927.

Демографическая модернизация России, 1900–2000. Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

104. См. сноску 95.

Дорохина О. Семья и Новая экономическая политика (НЭП): эксперимент против традиции // Экономика и предпринимательство. 2019. № 5. С. 87–91.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. С.-П.: Союз, 1998.

Егорышева И. Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности народного комиссариата здравоохранения РСФСР // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. 2015. № 7. С. 29–36.

Жиромская В. Религиозность народа в 1937 году (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический Вестник. 2000. № 1(5). С. 105–114.

Каневский А. Суд над Анной Горбовой по обвинению в производстве себе выкидыша (аборта). Одесса: Одесский дом Санпросвета, 1925.

Кетлинская В., Слепков В. Жизнь без контроля (половая жизнь и семья рабочей молодежи). М-Л: Молодая гвардия, 1929.

Кириллова Д. Рождаемость в СССР в 1930-е годы. Государственная политика. Статистика (по материалам текущего учета ЦУНХУ СССР). М.: изд-во ЦГЛ РОН, 2005.

Костицын А. Трудящаяся женщина и религия. М.-Л: Московский рабочий, 1929.

Лебедева В. Самоистребление человечества // Коммунистка. 1923. № 9. С. 3–5.

Лебина Н. «Навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся женщин...». Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант» ЦСПГИ, 2007. С. 228–241.

Лебина Н. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. С.-П.: Летний сад, 1999.

Леви М. Противозачаточные средства. М.: Мосздравотдел, 1927.

Ленин В. Рабочий класс и неомальтузианство. Полное собрание сочинений. Том 23. С. 255–257.

Лин И. Ячейкина дочь. М.-Л.: Молодая гвардия, 1925.

Лучшев Е. Антирелигиозная пропаганда в СССР 1917–1941. С.-П.: Государственный музей истории религии, 2016.

Маннс Г. Аборт как социальное явление и проблема его наказуемости. Харьков: Юридическое издательство НКЮ УССР, 1927.

Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социальная теория и социальная структура. С. 243–281. М.: Хранитель, 2006.

Мирошниченко И., Стяжкина Е. Абортная политика в СССР в 20-30-е годы: историография вопроса // Вісник Маріупольского державного университету. Серія: Історія. Політологія, 2012, ВИП. 3. С. 43–50.

Население России в XX в. Исторические очерки. Т. 1. 1900–1939. М.: РОССПЭН, 2000.

Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. М.-Л.: Государственное издательство, 1927.

Огнев Н. Манька Гузикова // Комсомольская правда. 22.09.1925. С. 3.

Окинчиц Л. Выкидыш и предохранительные средства от беременности. Ленинград: Медицина, 1924.

Пивоваров Н., Шок Н. К истории запрета абортов в СССР: позиция властей и мнения советского общества в биоэтическом ракурсе (1935–1936 гг.) // История медицины. 2019. Т. 6. № 2. С. 160–171.

Проблема пола // Женский Журнал. 1926. № 2. С. 4.

Протоклитов С. Долой бабку! М.: Охрана материнства и младенчества, 1926.

Пушкарев А., Пушкарева Н. Ранняя советская идеология 1918–1928 и «половой вопрос» (о попытках урегулирования социальной политики в области сексуальности) // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: «Вариант» ЦСПГИ, 2007. С. 199–227.

Ривкин А. Современный взгляд на аборт-выкидыш. Орша, 1922.

Северьянов М. Анисимова Л. Аборт как средство планирования семьи в России первой четверти XX в. // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 6. № 7. С. 1066–1074.

Семашко Н. Против алиментной эпидемии, или на алименты надейся, а сам не плошай. М.: Охрана материнства и младенчества, 1927.

Смидович С. О кореньковщине // Комсомольский быт / сост. Разин И. М.-Л.: Молодая гвардия, 1927. С. 132–140.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 год. М., 1943.

Стенографический отчет заседаний 2 сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва 17 и 19 октября 1925 года по проекту кодекса законов о браке, семье и опеке // Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву / ред. Курский Д.И. М.: Юридическое издательство Н.К.Ю. Р.С.Ф.С.Р., 1926. С. 107–194.

Стояновская Э.Л. 12-й Пироговский Съезд. Отдел акушерства и женских болезней. 2-е заседание 1-го июня // Русский врач. 1913, № 28. С. 1010–1012.

Ужанский Г. Об онанизме. Саратов, 1926.

Фриз Г.Л. «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2019. № 1–2. С. 30–57.

Фриз Г.Л. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь. 2012. № 3–4. С. 86–105.

Фриз Г.Л. Мирские нарративы о священном таинстве: Брак и развод в позднеимперской России // «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи Сборник статей / Грегори Фриз; под ред. *П. Рогозного*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. С. 132–181.

Фриз Г.Л. Русское православие и кризис семейных отношений: развод в годы революции и войны, 1917–1921 гг. // «Губительное благочестие». Российская церковь и падение империи Сборник статей / Грегори Фриз; под ред. *П. Рогозного*. СПб.: Издательство Европейского университета, 2019. С. 316–350.

Халфин В. Истребление плода (аборт) в Москве и Московской губернии // Проблемы преступности. Сборник. Вып. 2. М.-Л.: Государственное издательство, 1927. С. 190–211.

Щелканова М. Рядовые. М.-Л.: Государственное издательство, 1926.

Aborty v 1925 godu (1927) [Abortion in 1925]. Moscow: Izdanie TSSU SSSR.

Aborty v 1926 godu (1929) [Abortion in 1926]. Moscow: Stat. Izd-vo TSSU SSSR.

Akimov, G. (1926) *Sem' Zhen Ivana Gruznogo ili Delo ob Alimentakh* [Ivan Gruznyj's Seven Wifes or Alimony Claim]. Moscow: Moskovskoe Teatral′noe Izdatel′stvo.

Altrichter, H. (1991) "Insoluble Conflicts: Village Life between Revolution and Collectivization", in Sh. Fitzpatrick, A. Rabinovitch, and R. Stites (eds.) *Russia in the Era of*

the NEP. Explorations in Soviet Society and Culture, pp. 192–210. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press.

Avdeev, A. Blum, A., Troitskaya, I. (1995) "The History of Abortion Statistics in Russia and the USSR from 1900 to 1991", *Population: An English Selection* 7: 39–66.

Balagin, A. (1928). "Svad'ba Chekhova" [Chekhov's Wedding], in *Sovetskii vodevil'. Sbornik 6.* pp. 3–22. Moscow-Leningrad: MODPIK.

Beliakova, E. (2004) Tserkovnyi sud [Ecclesiastical Court]. Moscow: NPKTS "Dukhovnaia biblioteka".

Beliakova, E., Beliakova N., Emchenko E. (2011) *Zhenshchina v pravoslavii. Tserkovnoe pravo i rossiiskaia politika* [Woman in Orthodox Church. Canon Law and Russian Politics]. Moscow: Kuchkovo pole.

Bozhinskaia, N. (1927) *Prestuplenie Ivana Kuznetsova* [Ivan Kuznetsov's Crime]. Moscow: Molodaia Gvardiia.

Bozhinskaia, N. (1927) *Svobodnaia liubov'* [Free Love]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Braude, I. (1929) *V ugolovnom sude. Iz zapisok zashchitnika 1922–1928* [In Criminal Court: Notes of an Attorney 1922–1928]. Second Edition. Xar'kov.: Iuridicheskoe izdatel'stvo narkomiusta USSR.

Bukharenkova, O. (2013) *Sovetskaia politika likvidatsii bezrabotitsy v 1921–27 godakh.* [Soviet Politics of the Elimination of Unemployment in 1921–1927]. Moscow: Redaktsionno-izdatel'skii otdel MGOGI.

Dad'iants, N. (1927) *Iski ob alimentakh. Vzyskanie v sudebnom poriadke na soderzhanie detei, rodstvennikov i suprugov* [Guidebook: How to Claim Alimony]. Moscow: Pravo i zhizn'.

Demidovich, E. (1927) *Sud nad polovoi raspushchennost'iu.* [Trial over Sexual Promiscuity]. Moscow-Leningrad: Doloi negramotnost'.

Demograficheskaia modernizatsiia Rossii, 1900–2000 (2006) [Demographic Modernization in Russia, 1900–2000)]. Ed. Vishnevskii A. Moscow: Novoe Izdatelstvo.

Dorokhina, O. (2019) "Sem'ia i Novaia ekonomicheskaia politika (NEP): ėksperiment protiv traditsii" [Family and New Economic Policy: Experiment versus Tradition], *Ėkonomika i predprinimatel'stvo*, 5: 87–91.

Durkheim, E. (1991) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka.

Durkheim, E. (1998) *Samoubiistvo. Sotsiologicheskii ėtiud* [Suicide: A Study in Sociology]. S.-P.: Soiuz.

Egorysheva, I. (2015) "Okhrana materinstva i mladenchestva v pervye gody deiatel'nosti narodnogo komissariata zdravookhraneniia RSFSR" [Motherhood and Infancy Care in the First Years Activity of the RSFSR People's Commissariat of Health], *Biulleten' natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ia imeni N.A.Semashko* 7: 29–36.

Freeze, G. L. (2009) "Mirskie narrativy o sviashchennom tainstve: Brak i razvod v pozdneimperskoi Rossii" [Secular Narratives on the Subject of Sacred Sacrament: Marriage and Divorce in Later Russian Empire], in Dolbilov, M., Kolonitskii, B. and Rogoznyi, P. (eds.) *Pravoslavie: konfessiia, instituty, religioznost' (XVII-XX vv.),* pp. 122–175. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v S. Peterburge.

Freeze, G. (2019). «Votserkovlenie» 1917 goda: tserkovnyi krizis i prikhodskaia revoliutsiia ["Churching" 1917: The Church Crisis and the Parish Revolution], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1–2: 30–57.

Freeze, G. (2012) “Vsia vlast′ prikhodam”: vozrozhdenie pravoslaviia v 1920-e gg. [All Power to The Parishes: Revival of The Orthodox Church in 1920s], *Gosudarstvo, religia, tserkov′ v Rossii i za rubezhom* 3–4: 86–105.

Gel′man, I. (1923) *Polovaia zhizn′ sovremennoi molodezhi* [Sex Life of the Today’s Youth]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel′stvo.

Gens, A. (1925). *Abort v RSFSR*. [Abortion in Russian Federation]. Moscow: Izdatel′stvo “Okhrana materinstva i mladenchestva”.

Gofmekler, A. (1927) *Abort* [Abortion]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva.

Goldman, W. (1993) *Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. New-York: Cambridge University Press.

Grigorovich, N. *Fabrichnaia liubov′* [Love Story of Factory Workers]. Moscow: MODPiK, 1925.

Gross Solomon, S. (1992) “The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920’s”, *Cahiers du Monde russe et soviétique* 33(Jan.-Mar. No 1): 59–81.

Kanevskii, A. (1925) *Sud nad Annoi Gorbovoi po obvineniiu v proizvodstve sebe vykidysha (aborta)* [Trial of Anna Gorbova for Illegal Abortion]. Odessa: Odesskii dom Sanprosveta.

Ketlinskaia, V., Slepkov, V. (1929) *Zhizn′ bez kontrolia (polovaia zhizn′ i sem′ia rabochei molodezhi)* [Life without Control (Sex Life and Family of Young Workers)]. M-L: Molodaia Gvardiia.

Khalfin, V. (1927) “Istreblenie ploda (abort) v Moskve i Moskovskoi gubernii” [Abortion in Moscow and Moscow Region], in *Problemy prestupnosti. Sbornik*. V. 2., pp. 190–211. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel′stvo

Kirillova, D. (2005) *Rozhdaemost′ v SSSR v 1930-e gody. Gosudarstvennai͡a politika. Statistika (po materialam tekushchego ucheta TSUNXU SSSR)* [Birth Rate in the USSR in 30s. Government Policies and Statistics]. Moscow: izd-vo TSGL RON.

Kostitsyn, A. (1929) *Trudiashchaiasia zhenshchina i religiia* [Working Woman and Religion]. M.-L: Moskovskii rabochii.

Lebedeva, V. (1923) “Samoistreblenie chelovechestva” [Self-Destruction of Humankind], *Kommunistka* 9: 3–5.

Lebina, N. (2007) «Navstrechu mnogochislennym pozhelaniiam trudiashchikhsia zhenshchin…». Abortnaia politika kak zerkalo sovetskoi sotsial′noi zaboty [“Towards Many Appeals of Working Women…” Abortion Politics as a Mirror of Soviet Social Care], in Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds.) *Sovetskaia sotsial′naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiia i povsednevnost′* [Soviet Social Policy in 1920–1930s: Ideology and Everyday Life], pp. 228–241. Moscow: Variant CSPGS.

Lebina, N. (1999) *Povsednevnaia zhizn′ sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930-e gody* [Daily Life of a Soviet City: Norms and Anomalies. 1920–1930-s]. Sankt-Peterburg: Letnii sad.

Lenin, V. (1913) Rabochii klass i neomal′tuzianstvo [Working Class and Neomalthusianism]. Complete Works. Vol. 23. P. 255–257.

Levi, M. (1927) *Protivozachatochnye sredstva* [Contraception]. Moscow: Moszdravotdel.

Lin, I. (1925) *Iacheikina doch′* [Komsomol’s Daughter]. Moscow-Leningrad: Molodaia gvardiia.

Luchshev, E. (2016) *Antireligioznaia propaganda v SSSR 1917–1941* [Antireligious Propaganda in the USSR in 1917–1941]. S.-P.: Gosudarstvennyi muzei istorii religii.

Manns, G. (1927) *Abort kak sotsial'noe iavlenie i problema ego nakazuemosti* [Abortion as a Social Phenomenon and the Problem of its Punishability]. Xar′kov: Iuridicheskoe izdatel′stvo NKIU USSR.

Merton, R. K. (2006) "Sotsial′naia struktura i anomiia" [Social Structure and Anomie], in *Sotsial'naia teoriia i sotsial'naia struktura* [Social Theory and Social Structure], pp. 243–281. Moscow: Xranitel′.

Miroshnichenko, I. Styazhkina, H. (2012) "Abortnaia politika v SSSR v 20–30-e gody: istoriografiia voprosa" (Abortion Politics in the USSR in 1920–30-th years: Historiography of a Question), *Visnik Mariupol'skogo derzhavnogo universitetu. Seriia: Istoriia. Politologiia*, 3: 43–50.

Ognev, N. (1927) *Dnevnik Kosti Riabtseva* [Kostia Riabtsev's Diary]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel′stvo.

Ognev, N. (1925) "Man′ka Guzikova", *Komsomol'skaia pravda*. 22.09.1925. P. 3.

Okinchits, L. (1924) *Vykidysh i predokhranitel'nye sredstva ot beremennosti* [Abortion and Contraception]. Leningrad: Meditsina.

Pivovarov, N. Shok, N. (2019) "K istorii zapreta abortov v SSSR: pozitsiia vlastei i mneniia sovetskogo obshchestva v bioėticheskom rakurse" [On the history of the ban of the abortion in the USSR: the views of the authorities and Soviet public opinion from the perspective of bioethics (1935–1936)], *Istoriia meditsiny* 6 (2): 118–126.

Problema pola [Gender Problem] (1926), *Zhenskii Zhurnal* 2(4).

Protoklitov, S. (1926) *Doloi babku!* [Down with the Traditional Helper!]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva.

Pushkarev, A., Pushkareva, N. (2007) „Ranniaia sovetskaia ideologiia 1918–1928 i «polovoi vopros» (o popytkakh uregulirovaniia sotsial′noi politiki v oblasti seksual′nosti)" [Early Soviet Ideology of the 1918–1928 and "sexual question" (Attempts to Regulate Social Policy in Sphere of Sexuality)], in Romanov P., Iarskaia-Smirnova E. (eds.) *Sovetskaia sotsial'naia politika 1920–1930-kh godov: ideologiia i povsednevnost'* [Soviet Social Policy in 1920–1930s: Ideology and Everyday Life], pp. 199–227. Moscow: Variant CSPGS.

Rivkin, A. (1922) *Sovremennyi vzgliad na abort-vykidysh* [Contemporary view on abortion- miscarriage]. Orsha.

Semashko, N. (1927) *Protiv alimentnoi ėpidemii, ili na alimenty nadeisia, a sam ne ploshai* [Against Alimony Epidemic]. Moscow: Okhrana materinstva i mladenchestva.

Sever′ianov, M. Anisimova L. (2013) "Abort kak sredstvo planirovaniia sem′i v Rossii pervoi chetverti XX v. [Abortion as a Means of Family Planning in Russia in the First Quarter of the Twentieth Century], *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriia: Gumanitarnye nauki* 6(7): 1066–1074.

Smidovich, S. (1927) "O koren′kovshchine" [Koren'kov's Syndrom], in Razin I. (ed.) *Komsomol'skii byt* [Daily Life of Komsomol], pp. 132–140. Moscow-Leningrad: Molodaia Gvardiia.

Sobranie uzakonenii i rasporiazhenii pravitel′stva za 1920 god [Body of Law of Russian Federation in 1920] Moscow, 1943.

Stenograficheskii otchet zasedanii 2 sessii Vserossiiskogo tsentral′nogo ispolnitel′nogo komiteta XII sozyva 17 i 19 oktiabria 1925 goda po proektu kodeksa zakonov o brake, sem′e i opeke [Verbatim Record of a Committee Meeting about the Project of the New Family Code], in Kurskii D. (ed.) *Sbornik statei i materialov po brachnomu i semeinomu pravu* [Book on Family Law], pp. 107–194. Moscow: Iuridicheskoe izdatel′stvo N.K.Iu R.S.F.S.R.

Shchelkanova, M. (1926) *Riadovye* [Ordinary Soldiers]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel′stvo.

Stoianovskaia, Ė.L. (1913) 12-i Pirogovskii S”ezd. Otdel akusherstva i zhenskikh boleznei. 2-e zasedanie 1.07 [12th Medical Conference of Gynecologists and Obstetricians, Second Meeting 1.07.1913], *Russkii vrach* 28: 1010–1012.

Uzhanskii, G. (1926) *Ob onanizme* [Onanism]. Saratov.

Vetrov, B., Petrov L. (1926). *Agitsud i zhivaia gazeta v derevne* [Propaganda Trials and Amateur Theatre in the Countryside]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel′stvo.

Vol′pert, I. (1926) *Zhivaia gazeta (materialy dlia vecherov sanitarnogo prosveshcheniia)* [Amateur Theatre for Sanitary Propaganda]. Issue 1. Leningrad: Sanprosvet Leningradskogo Gubzdravotdela.